

УДК 94(47+57)"1917/20"
ББК 63.3(2)61
Р25

Ратьковский, Илья Сергеевич.

Р25 Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды (1917–1920гг.) / Илья Ратьковский. — Москва : Алгоритм, 2017. — 464 с. — (Уроки истории).

ISBN 978-5-906880-57-4

Поэтизируя и идеализируя Белое движение, многие исследователи заметно преуменьшают количество жертв на территории антибольшевистской России и подвергают сомнению наличие законодательных основ этого террора. Имеющиеся данные о массовых расстрелах они сводят к самосудной практике отдельных представителей военных властей и последствиям «фронтового» террора.

Историк И.С. Ратьковский, опираясь на документальные источники (приказы, распоряжения, телеграммы), указывает на прямую ответственность руководителей Белого движения за них не только в прифронтовой зоне, но и глубоко в тылу. Атаманские расправы в Сибири вполне сочетались с карательной практикой генералов С. Н. Розанова, П. П. Иванова-Ринова, В. И. Волкова, которая велась с ведома адмирала А. В. Колчака.

**УДК 94(47+57)"1917/20"
ББК 63.3(2)61**

ISBN 978-5-906880-57-4

© Ратьковский И.С., 2016
© ООО «ТД Алгоритм», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	6
1917 год	21
1918 год	32
1919 год	196
1920 год	329
Ссылки и примечания	355
Список использованных источников и литературы	431

Введение

Проблематике белого террора уделено определенное внимание в современной отечественной исторической и юридической литературе. Часто он рассматривается в сопоставлении с красным террором, как явление характерное для обеих основных сторон Гражданской войны в России, с признанием общих черт этих явлений и общей пагубности практики насилия. Данный подход характерен для работ одного из крупнейших исследователей белого и красного террора проф. А. М. Литвина¹. В его работах проводится исследование законодательных основ репрессивной политики в период Гражданской войны у различных сторон этого социального конфликта, идеологической составляющей красного и белого террора. Отметим знание автором источников, особенно по Поволжскому региону, что связано с предыдущими работами автора, в т.ч. по истории ВЧК и Казанской ЧК. Вместе с тем отметим некоторую дробность изложенного материала, меньшую проработанность отдельных регионов. Тем не менее на данный момент это одно из лучших исследований по заявленной теме.

С точки зрения исследования социального происхождения насилия с обеих сторон в период революции и Гражданской войны стоит выделить работы д.и.н. В. П. Булдакова². На наш взгляд, социальный фактор был одним из ключевых в практике реализации белого и красного террора. Заслуживает особого внимания и обобщающая статья В. Б. Жиромской, в которой она дала свою оценку терминологии террора и взаимных репрессий³. Отметим также вклад в историографию вопроса д.и.н. С. Н. Полторака. Помимо авторских работ, в которых он затрагивал проблематику белого и красного террора, под его руководством в 1998 г. была проведена всероссийская конференция, на которой террору был посвящен ряд докладов⁴.

Отметим и вышедшие в последнее время специализированные работы по белому террору. Среди них выделяется монография д.и.н. П. А. Голуба⁵. В ней, как и в ряде статей указанного автора, подробно изучен и введен в оборот материал, посвященный тюремной системе антибольшевистских сил.

Также существуют исследования проблематики российского террора, включая террор в период Гражданской войны, в более широком историческом плане, в т.ч. в контексте международного терроризма⁶.

При этом в исследованиях ряда известных отечественных историков фактически отрицается наличие законодательной основы белого террора. Имеющиеся данные о массовых расстрелах они сводят к самосудной практике отдельных представителей военных властей, как правило, при освобождении территорий от большевиков. Типичны в этом отношении статьи известного исследователя белого движения д.и.н. В. Ж. Цветкова. В них подвергается сомнению наличие законодательных основ белого террора, а также внутреннего террора⁷. Соглашаясь с автором, что значимую часть жертв белого террора составляли последствия «фронтového» террора, следует указать на имеющиеся посылы к террору (приказы, распоряжения, телеграммы) и прямую ответственность руководителей белого движения за них не только в прифронтовой зоне, но и глубоко в тылу. Атаманские расправы в Сибири вполне уживались с карательной практикой генералов С. Н. Розанова, П. П. Иванова-Ринова, В. И. Волкова, которая велась с ведома адмирала А. В. Колчака.

Можно также указать на странную концепцию белого террора в Оренбуржье д.и.н. А. В. Ганина. Согласно ему, белый террор в указанном регионе включал только действия оренбургских казаков, подчинявшихся атаману Дутову. Если же на этих территориях террор осуществляли союзные им части чехословацкого корпуса или уральские казаки, то это уже никак не белый террор в Оренбуржье. Подобный «местечковый подход» положен в основу ганинской концепции «роли белого террора в событиях Гражданской войны в Оренбуржье». Это эффективно снижает статистику белого террора в регионе, но исторически подобный подход не выдерживает никакой критики⁸.

Очевидно, что рассмотрение белых репрессий в отдельном регионе, при выборочности их признания, может привести к искаженным данным при переносе их на всю Антибольшевистскую Россию. Подобным путем пошли авторы учебника «Две России XX века», которые оценивают общее количество жертв белого террора в 10 тыс. человек. Как получались подобные цифры, учитывая, что только в Екатеринбургской губернии количество жертв белого террора было значительно больше? Просто авторы не рассматривали «неудобные» губернии и территории, предпочтя странные математические рас-

четы. Они взяли «предполагаемое» количество жертв белого террора в Крыму и в Среднем Поволжье при Комуче и распространили эти данные пропорционально численности населения на другие белые территории⁹. Станным образом даже в изначальных цифрах белого террора в подобранных регионах пропали многие жертвы. Так, явно не учитываются казанские расстрелы после занятия города и жертвы при подавлении Иващенкоковского восстания, жертвы в Самаре и т.д. Между тем только в Среднем Поволжье летом-осенью 1918 г. было не менее 5 тыс. жертв. Ну, а проведенный далее автоматический перенос выборочных репрессий и их уровня на другой регион за гранью исторической науки...

При этом рядом авторов часто указывается не только на различие количественных показателей, но и на качественные отличия белого и красного террора. Можно и должно в связи с этим согласиться с д.и.н. Г. М. Ипполитовым, который писал: «Позволю себе заметить следующее: удивляет и возмущает, когда некоторые публицисты, надо полагать, в угоду политической конъюнктуры, начинают полемизировать на тему: «Чей террор был лучше, красный или белый?». И, как правило, склоняются к мысли, что белый был «гуманнее»! Прямо цинизм какой-то с элементами некрофилии»¹⁰. В этом плане можно привести и мнение историка А. А. Иванова: «Репрессии по отношению к мирному населению не могут характеризоваться оценочными категориями «лучше» или «хуже», чем по другую сторону фронта. Даже утрата единства государственности не дает права искусственно разделять страну на «своих» и «чужих», позволяя применять к последним любые карательные меры»¹¹.

На наш взгляд, красный и белый террор — это две стороны одного явления — трагедии Гражданской войны. Многие в белых репрессиях повторяло советскую практику террора, многое, хотя и не все превосходило. Тот и другой террор творился в центре и на окраинах. Помимо давно уже выявленных многочисленных приказов, указов и распоряжений высших органов белой власти, белый террор включает и «местные белые расстрелы», которые не противоречили общей практике репрессивной политики антибольшевистских правительств и правителей. Как справедливо указывал по этому поводу крупнейший исследователь социальной истории Гражданской войны д. и. н. В. П. Булдаков: «Увы, в гражданских войнах высшим «авторитетом» для подчиненных становится главарь местного масштаба и полевой командир»¹².

Вместе с тем в последнее десятилетие вышел ряд работ, которые создают основу для научного изучения заявленной тема-

тики. Отметим фундаментальное исследование д.и.н. С. П. Звягина, посвященное в т.ч. репрессивной практике белого режима в Сибири¹³. Данное направление нашло продолжение и в работах его учеников, например к.и.н. Д. Р. Тимирбулатова¹⁴.

Продуктивными представляются также исследования, в которых авторы не становятся заложниками теории «одного террора». Характерно, что в последних исследованиях, при описании белого движения, авторы, указывая на масштабность красного террора, одновременно приводят выявленные ими случаи массового белого насилия¹⁵. Детализируется и механизм белого террора. Целый цикл статей, посвященный деятельности белой контрразведки, написал к.и.н. А. А. Иванов¹⁶. Много статей по репрессивной практике белых правительств принадлежит к.и.н. А. Г. Шарикову¹⁷.

Ряд статей и монографий раскрывают практику террора в региональном аспекте, либо применительно к конкретной практике белого террора. Многочисленны краеведческие исследования, в которых тематика насилия нашла также свое отражение. Все это использовалось в данной работе.

В указанных исследованиях приведены многочисленные примеры белого террора, его виды. Однако если в них и проведена определенная систематизация террора по политическому и географическому принципу, то хронологически, и в сопоставлении с другими белыми регионами это явление не получило должного внимания. Не получили должного звучания и многие стороны белого террора, в т.ч. индивидуальная ответственность конкретных представителей белого руководства. Автору представляется актуальной детализация ответственности за практику белого террора, персонификация этого явления.

Структура книги представляет хронологически последовательные акты белого террора и репрессивной антибольшевистской практики. Данная книга не исчерпывает все случаи белого террора, т.к. у многих выявленных автором случаев нет четкой датировки. Многие случаи репрессий просто не вошли в настоящее издание в силу объема издания. Возможным представляется и хронологическое смещение ряда событий, в виду различия стилей времени (советского, белого, сибирского) в период Гражданской войны, а также учитывая междоусобный фактор ряда использованных источников.

Важным для создания объективной картины репрессий в период Гражданской войны является учет всех жертв террора, в том числе и красного террора. В настоящее время автор разрабатывает также тематику красного террора, в первую оче-

редь расстрельной практики ЧК и трибуналов. Ранее у автора уже выходило монографическое исследование по красному террору ЧК в 1918 г., целый ряд статей¹⁸. Материалы этих исследований последних лет не только расширяют представление о красных репрессиях, но также хронологически систематизируют сведения о них, аналогично представленному изданию. В дальнейшем предусмотрен выход новой монографии на указанную тему уже применительно к более широким хронологическим рамкам: 1917—1920 гг.

«Белый террор» — термин, достаточно обобщенный, включающий в себя явления, происходившие под различными «политическими вывесками», как собственно белого движения, так и в целом антибольшевистского сопротивления, включая правосоциалистические режимы «демократической контрреволюции» лета-осени 1918 г. Сами эти режимы, например самарский КОМУЧ, несмотря на преобладание «социалистического элемента» в руководстве, опирались в своей практической деятельности на добровольческие белые военные формирования, зачастую даже утверждаясь при прямом участии офицерского подполья. Таким образом, в основе антибольшевистского террора даже социалистических правительств часто лежал белый террор. Разница между «правосоциалистическими» и «белыми» режимами тем более не принципиальна, т.к. белые режимы нельзя однозначно противопоставлять «народным эсеровским режимам» в вопросе выбора будущей формы правления. Следует также добавить, что масштаб террора «эсеровских» государственных формирований был отнюдь не связан с их политической риторикой. Так, в Поволжье в период «эсеровского» государственного строительства летом-осенью 1918 г. жертвами антибольшевистского террора стали не менее 5 тыс. человек¹⁹.

Белый (антибольшевистский) террор в период Гражданской войны в России также включает террор белофиннов, белочехов, белополяков, германских и других оккупационных войск (например, Японии), так как их действия распространялись на значительные области России и решали одну задачу: утверждение антибольшевистских начал на контролируемых ими территориях. Ряд этих иностранных формирований прямо подчинялись органам Белой власти, другие действовали согласованно с ними, либо с «народными социалистическими режимами» или местными «национальными режимами» антибольшевистской направленности.

Под белым террором в период Гражданской войны следует также понимать такие разнообразные явления, как индиви-

дуальный антибольшевистский террор и вооруженные контрреволюционные выступления, в ходе которых фиксировались самосудные расстрелы советских работников (в данном исследовании рассмотрены более кратко, чем «массовый белый террор»).

Таким образом, разнообразные насильственные действия, направленные против большевистской власти на территории советской республики (либо ее бывшей территории), обладающие признаками террора, в конечном счете, можно причислить к проявлениям белого (антибольшевистского) террора. Такая постановка вопроса, возможно, не совсем оправданно расширяет понятие белого террора в отношении, в частности, крестьянского движения. Однако в упрощенном варианте и при сопоставлении с красным террором и репрессиями (в такой же широкой трактовке), в их противоборстве, взаимопричинности, взаимовлиянии, рассматривать белый террор как цельное явление (включающее данный аспект) представляется допустимым.

Количественные показатели жертв повстанческих выступлений и жертв индивидуального белого террора на территории Советской России, достаточно сложно установить. Существует обобщенная статистика только по отдельным периодам. Так, в 22 губерниях Центральной России в июле 1918 г. контрреволюционерами были уничтожены 4141 советский работник²⁰. Общие же цифры большевистских жертв носят чаще оценочный и субъективный характер. Так, согласно изысканиям М. Бернштама (исследователя, критично настроенного к советской власти), в период Гражданской войны только повстанцами и «зелеными» было убито 100 тысяч сторонников советской власти и советских служащих²¹.

Этот «внутренний» антибольшевистский террор следует учитывать при анализе белого (антибольшевистского) террора в целом, несмотря на его более сложные социально-политические характеристики. Это представляется тем более допустимым, что и собственно красного террора не существовало в том смысле, как он подается в публикациях периода Гражданской войны. Как белый государственный террор (террор «белых правительств»), так и красный (террор центрального правительства) имеют четкие границы — пространственные и временные. Террор же белый и красный вообще — это более расплывчатые термины, выражающие скорее упрощенное сведение противоборствующих сторон к красным и белым, революции и контрреволюции...

Первые сведения о массовом белом терроре часто относят к апрелю-июню 1918 г. Этот период можно охарактеризовать

как начало фронтального этапа Гражданской войны и, следовательно, как начало нового витка взаимной ожесточенности и репрессий. Прежде всего, следует отметить кровавое подавление коммунистической революции в Финляндии. Если во время Гражданской войны в Финляндии военные и гражданские потери с обеих сторон составили 25 тысяч человек, то после подавления революции, белофиннами было расстреляно около 8 тысяч человек и еще до 90 тысяч участников революции оказались в тюрьмах²². Эти данные подтверждаются и современными финскими исследованиями. Согласно известному финскому историку в Финляндии белыми было казнено 8400 красных пленных, в т.ч. 364 малолетние девочки. От голода и его последствий в финских концлагерях уже после завершения Гражданской войны умерло 12500 человек²³. В исследовании Марью Лиукконен из Лапландского университета приводятся новые подробности казней женщин и детей в одном из крупнейших концлагерей Хеннала. Только женщин там было расстреляно без суда 218²⁴.

Подобный «белый опыт» Финляндии важен тем, что он предшествовал российскому опыту широкомасштабного белого террора и был одной из причин ожесточения Гражданской войны в России с обеих сторон. Также важно, что он был следствием установления новой финской белой государственности на освобожденных от финских революционеров территориях. То обстоятельство, что эти события происходили в соседней стране, не снижало их воздействия на ситуацию в России, тем более что среди расстрелянных в Таммерфорсе и Выборге было большое количество русских граждан. По мере того как развивались события в Финляндии, население (и в еще большей степени руководство страны) могло сравнивать их с положением в России и делать определенные выводы и прогнозы на развитие ситуации уже в российских условиях, в частности на возможное поведение победившей контрреволюции. Впоследствии эта жестокость при подавлении финской революции указывалась как одна из причин введения красного террора в Советской России осенью 1918 г. Опыт «Финского умиротворения» рассматривался и белой стороной. Этим не ограничивается влияние фактора финского террора на российские события. Следует также отметить, что в дальнейшем со стороны финских земель на территорию России будут проникать многочисленные военные формирования, утверждавшие на местах практику уничтожения большевизма в самом широком смысле.

К этому же периоду относится и начало волны массовых «чехословацких репрессий». Линия Восточного (Чехословацкого) фронта в начале лета 1918 г. стремительно откатывалась на запад, а вместе с передвижением войск чехословацкого корпуса сюда приходит антибольшевистский террор²⁵. Чехословацкие события во многом дублировали финские. Только в Казани за период относительно непродолжительного пребывания чешских и белых отрядов (немногим более месяца) жертвами террора станет не менее 1500 человек. Общее же количество «большевистских жертв» продвижения чехословацкого корпуса летом 1918 г. приближалось к 5 тыс. человек. Таким образом, восстание чехословацкого корпуса способствовало не только утверждению на Востоке России антибольшевистских режимов, но и в целом углублению (ужесточению) Гражданской войны.

Террор в Поволжье сопровождался аналогичными акциями на территориях оренбургского²⁶ и соседнего уральского казачества, а также в районе Ижевска и Воткинска. Масштаб этих репрессий был различным. Но даже в Ижевске и Воткинске, антибольшевистских «рабочих территориях», осенью 1918 г. террор стал реальностью. Общие цифры жертв карательной политики в этом рабочем регионе осенью 1918 г. находятся в пределах 500—1000 человек. Казачий же террор 1918 г. в указанных выше регионах не уступал чехословацкому террору, даже опережая его по частоте применения. При этом действия казаков и чехословацких подразделений часто дополняли друг друга в репрессивной практике, как это было в Челябинске²⁷.

Можно утверждать, что белый террор летом 1918 г. становится уже системным, являясь одной из составляющих нового этапа фронтальной Гражданской войны, сопутствуя становлению альтернативной советской системе государственности.

Схожие проявления карательной политики в указанный период происходят и на Северном Кавказе, где белая государственность приобрела летом территориальную самостоятельность, до этого момента являясь внетерриториальным «приглашенным» явлением на Дону и Кубани. Получение под свой контроль первоначально двух губерний на Северном Кавказе, а затем и больших территорий, обусловили интенсивное белое государственное строительство и соответствующую карательную практику²⁸.

Однако ошибочным будет утверждение об отсутствии белого террора в более ранний период Гражданской войны. Проявления антибольшевистского террора, в т.ч. и массового,

фиксируются уже в период так называемой «эшелонной» войны. Можно отметить как зарождавшийся индивидуальный террор, так и многочисленные эксцессы партизанской войны²⁹.

Так, первопоходничество впрямую было связано с практикой белого террора, с массовыми расстрелами и заложничеством. Немногочисленность личного состава, социальная и территориальная изоляция, вызывали реакцию в виде многочисленных актов террора. Отчасти сказывалась и репрессивная практика 1917 г., имевшаяся у вождей белого движения³⁰. Корниловский приказ «Пленных не брать!» — только айсберг радикальных настроений партизанского периода белого движения.

Например, партизанский отряд есаула В. М. Чернецова (образован 30 ноября 1917 г.) отметился массовыми расстрелами еще в 1917 г., а в начале 1918 г. не раз использовал практику террора. Только два боевых эпизода отряда дают около 400 человек расстрелянных после боя: Ясиновский рудник 118 человек, станция Лихая — 250. Помимо партизанского отряда Чернецова, подобные действия на Дону проводили еще ряд добровольческих отрядов.

Известный весенний поход Яссы — Ростов-на-Дону полковника М. Г. Дроздовского в 1918 г. также сопровождался массовыми расстрелами. Только по документам личного происхождения участников похода, численность казненных в ходе передвижения дроздовцев была не менее 700 человек, притом эти данные явно не полные. После соединения отряда Дроздовского с Добровольческой армией, ситуация не изменится. Только в Белой Глине в период Второго Кубанского похода дроздовцами по различным источникам будет расстреляно от 1300 до 2 тысяч человек.

Не меньшими репрессиями был отмечен и знаменитый Первый Кубанский («Ледяной») поход во главе с генералом Л. Г. Корниловым. В одной Лежанке корниловцами было расстреляно не менее 500 человек. Однако еще до этого похода репрессивная практика добровольцев знала массовые расстрелы пленных. Так, при занятии Ростова-на-Дону в конце 1917 г. добровольческие отряды производят первые массовые белые расстрелы в регионе. Первые репрессии в этот период фиксируются и в практике кубанских отрядов под командованием тогда еще капитана, а вскоре уже генерала В. Л. Покровского. Практика этих самосудных военных расстрелов была перенесена белым движением и в более поздний период.

Схожей ситуация была на казачьих территориях, где взрыв насилия в первой половине 1918 г. был вызван проти-

востоянием казаков и иногородних, казаков-фронтовиков и казаков-стариков. Социальный конфликт, усиленный демобилизационными процессами в период становления советской власти на местах, стал основой целой череды кровавых конфликтов в указанный период. Отход с Украины красных частей только усилил напряженность в регионе. Ярким примером является кровавое уничтожение сдавшегося в начале апреля 1918 г. двухтысячного красного Тираспольского отряда.

Таким образом, если можно с уверенностью утверждать о системном белом терроре с начала лета 1918 г, то в более ранний период, не являясь еще системообразующим (государственным) элементом, он был также массовым явлением. Отдельные же случаи белого террора, часто индивидуального или самосудного, фиксируются еще поздней осенью 1917 г.

Вместе с тем лето 1918 г., выявив новый виток насилия с обеих сторон, знаменовало наступление периода массового белого и красного террора осенью 1918 г. Отчасти это было вызвано мобилизационными процессами (подавление сентябрьского 1918 г. Славгородского восстания и целой череды схожих сибирских и поволжских крестьянских восстаний), отчасти необходимостью большего контроля над новыми захваченными территориями (Северный Кавказ, где выделяется «Майкопская резня»). Играл важную роль и военный фактор, движение линии фронтов. Широко известными стали «эшелоны и баржи смерти» с перемещаемыми на них политзаключенными. Только в ходе подобных перевозок осенью-зимой 1918 г. и в начале 1919 г. погибли не менее трех тысяч человек. А новые территории подвергались тотальному очищению (пермские события декабря 1918 г)³¹.

Характерно для этого периода и повсеместное развитие системы белых концлагерей. При этом использовались как имевшиеся, например в Сибири, концлагеря для военнопленных периода Первой мировой войны, так и новые тюрьмы и концлагеря. При этом масштаб нового тюремного строительства на «белых» территориях превышал аналогичный у большевиков, имевших в своем распоряжении достаточную тюремную базу.

Последующий период территориального противостояния двух ключевых государственных в Гражданской войне выявит еще больший размер взаимного террора. Приведем только две обобщающие цифры 1918—1919 гг., широко известные специалистам. Неполные данные, собранные Всеукраинским обществом содействия жертвам интервенции, дают представление о размерах жертв за 1918—1919 гг. на терри-

тории Украины (территориально значительно меньшей современной). С 1 апреля 1924 г. по 1 апреля 1925 г. им было зарегистрировано 237.227 претензий на общую сумму материальных убытков — 626.737.390 р. 87 к. Убитых — 38.436 чел., изувеченных — 15.385 человек, изнасилованных — 1.048 женщин, случаев ареста, порки и т. д. — 45.803³². В Екатеринбургской губернии по неполным данным, собранным чекистами к процессу 1920 г. над колчаковскими министрами, в 1918—1919 гг. было расстреляно белыми властями как минимум двадцать пять тысяч человек. Особым репрессиям подвергались уезды Екатеринбургский и Верхотурский. «Одни Кизеловские копи — расстреляно, заживо погребено около 8 тысяч, Тагильский и Надеждинский районы — расстреляно около десяти тысяч. Екатеринбургский и другие уезды — не менее восьми тысяч человек. Перепорото около 10% двухмиллионного населения. Пороли мужчин, женщин, детей. Разорены — вся беднота, все сочувствующие советской власти»³³. Впоследствии эти данные вошли во многие издания³⁴. Безусловно, данные цифры надо воспринимать критически, особенно по Кизеловским копиям³⁵, но сам факт массовых репрессий в регионе имел место. В соседних губерниях уровень репрессий был меньший, но отметим, что только при подавлении Омского декабрьского восстания 1918 г. погибло до полутора тыс. чел. Неслучайно поэтому известное замечание американского генерала У. С. Гревса: «В Восточной Сибири совершались ужасные убийства, но совершались они не большевиками, и я не ошибусь, если скажу, что в Восточной Сибири на каждого убитого большевиками человека приходилось 100 человек, убитых антибольшевистскими элементами»³⁶. С. С. Аксаков, служивший в белых частях на Востоке России, впоследствии вспоминал: «Это самое ужасное, но ужаснее всего это гражданская война. Ведь там брат убивал брата! С содроганием вспоминал, как им, 19-летним юношам, приказывали расстреливать пленных. Он, когда мог, уклонялся от этого, но не было тыла и их некуда было отправлять. То же было и у красных»³⁷. Известны и другие обобщающие данные по белому террору за 1918—1919 гг., например в Удмуртии. Здесь согласно опубликованным архивным материалам было расстреляно и погибло в результате пыток 8298 человек, различным формам насилия было подвергнуто 10937 человек, еще 2786 человек в результате действий властей получили инвалидность³⁸.

Масштабны были белые репрессии в этот год и в других регионах России: на Севере и Северо-Западе России, на Северном Кавказе и т.д. Практически каждый месяц этого года

дает несколько случаев применения массовых жертв. Характерно первое полугодие 1919 г. Январь отметился казачьими расстрелами в Уральской области, где будет убито 1050 человек. В феврале белыми будет расстреляно не менее 800 участников Енисейско-Маклаковского восстания, многотысячные расстрелы происходят на Северном Кавказе, где при замирении Терской области будут казнены 1300 человек, а во Владикавказе численность погибших трудно поддается учету. В марте массовые расстрелы проходят в Уфе (670 жертв), Тюмени (400–500), известно уничтожение японскими войсками деревни Семеновка (не менее 257 человек), усмирение чеченского аула Алхан-Юрта (до 1000 человек). Не меньший масштаб репрессий был в апреле, когда казнили участников Кольчугинского восстания (до 600 человек), кустанайского восстания (3000 человек), Мариинского восстания (2000). Укажем и на еврейские и советские погромы, из которых выделялся Григорьевский мятеж (более 1500 жертв). Жертвы атамана Григорьева, учитывая его успешные попытки сближения с белым движением, можно, на наш взгляд, не только не выносить за рамки антибольшевистского террора, но и на определенном этапе даже учитывать при подсчете жертв белого террора.

Белое наступление войск генерала А. И. Деникина и отступление войск А. В. Колчака дает не менее масштабные цифры летних расстрелов 1919 г. Подобно тому как на разломах тектонических платформ фиксируется наибольшая вулканическая активность, в зоне соприкосновения красной и белой государственности в 1919 г., в зоне фронтов, будут происходить массовые случаи белого террора. Воткинск, Харьков, Екатеринослав, Бахмач, и Царицын — каждый из этих городов дал многие сотни казненных, порою и тысячи, а было летом 1919 г. еще подавление семиреченского восстания (не менее 3000 жертв), взятие партизанской столицы Тасеево (погибли сотни людей) и многие другие случаи белого террора: Александровск (680), Лебяжье (357), Ромны (500), Сахарное (700), Красноярск (600), Бударин и Лбищенск (до 5, 5 тысяч жертв). В этот период были проведены и многочисленные новые эвакуации заключенных, с сотнями и даже тысячами жертв, достаточно упомянуть эвакуацию арестантов в Тюмень. Ряд приведенных цифр можно оспорить в ту или другую сторону, но взрыв белых репрессий в этот период неоспорим. Общее же число жертв белого террора только в августе 1919 г. составляет порядка 30 тысяч человек.

Осень 1919 г., с ее приливами и отливами позиций белых войск, характеризовалась не меньшими масштабами белого

террора. Рейд на Москву, отход к Омску, дают новые сотни и тысячи жертв.

Однако сводить взаимный террор только к военным эксцессам будет глубоко ошибочно. Террор в Гражданской войне из общественно-бытового явления становится политическим, присущим деятельности всех сторон. Красный, розовый, желтый, черный, зеленый, белый террор — лишь условное обозначение одного и того же явления, преломления террористического мышления в призме политических воззрений. Социальные же конфликты были далеко за линией фронтов, в глубоком тылу. «Внутренний фронт» фиксировал зачастую не меньшие масштабы белого террора, чем на вновь приобретенных территориях.

При этом свой вклад вносили и интервенты. «Находились ли союзники в войне с Советской Россией? Разумеется, нет, но советских людей они убивали, как только те попадались им на глаза, на русской земле они оставались в качестве завоевателей, они снабжали оружием врагов советского правительства, они блокировали его порты, они топили его суда. Они горячо стремились к падению советского правительства и строили планы этого падения», — утверждал У. Черчилль³⁹. Созданное в 1924 г. «Общество содействия жертвам интервенции» собрало к 1 июля 1927 г. свыше 1 млн. 300 тыс. заявлений от советских граждан, зафиксировавших 111 730 убийств и смертей, в том числе 71 704 по сельскому и 40 026 по городскому населению, ответственность по которым несли интервенты⁴⁰.

На фоне 1918—1919 гг. белые репрессии 1920 г. характеризуются меньшими масштабами. Однако это связано не с либерализацией белых режимов, а с «меньшей площадью» применения репрессий в условиях приближающегося поражения белого движения. Интенсивность же белых репрессий в этот период не меньшая, чем ранее, и документально фиксируются массовые расстрелы по несколько сотен человек. Известны и тысячные расстрелы. Достаточно просмотреть воспоминания только двоих известных дроздовцев А. В. Туркула, В. М. Кравченко⁴¹. Уже только по ним в ходе летне-осеннего наступления врангелевских войск 1920 г. цифра уничтоженных пленных красноармейцев одной только дроздовской дивизией превышает 1000 человек. При этом данная цифра (только, отметим, по двум воспоминаниям) явно не включает всех «дроздовских» жертв. Заложником подобной расстрельной практики дроздовцев, а также других белых частей в указанный период станет в Крыму осенью 1920 г. не успевшее эвакуироваться офицерство. Среди значимых трагедий следует упомя-